

Жиль Дове

Когда умирают восстания

Оглавление

Брест-Литовск, 1917 и 1939 гг.	3
Фашизм и крупный капитал	5
Рим, 1919 – 1922 гг.	10
Турин, 1943 г.	14
«Народное сообщество» против общины	17
Берлин, 1919-1933	20
Барселона, 1936	25
Барселона, май 1937 г.	30
Анархисты в правительстве	38
Неудача коллективизации	42
Коллективизация или коммунизация?	43
Итоги	45

Брест-Литовск, 1917 и 1939 гг.

“Если русская революция станет сигналом для пролетарской революции на Западе, так что обе они будут дополнять друг друга, то нынешнее общее владение землей в России может послужить отправной точкой для коммунистического развития», — писали К.Маркс и Ф.Энгельс в предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882 г.).

Эта перспектива не была реализована. Европейский промышленный пролетариат так и не встретился с возрожденной русской крестьянской общиной.

В декабре 1917 г. в Брест-Литовске (Польша) большевики предложили мир без аннексий. Германии, вознамерившейся завладеть огромной территорией царской империи, которая простиралась от Финляндии до Кавказа. Однако в феврале 1918 г. германские солдаты, бывшие «пролетариями в военной форме», повиновались своим офицерам и возобновили наступление против России, все еще управляемой Советами. Братания не получилось, а революционная война, за которую выступали левые большевики, оказалась невозможной. В марте Троцкий подписал мирный договор, продиктованный кайзеровскими генералами. «Мы меняем пространство на время», — заявил Ленин. Действительно, в ноябре поражение Германии превратило этот договор в клочок бумаги. Тем не менее, идея международной солидарности эксплуатируемых классов так и не смогла воплотиться на практике. Несколько месяцев спустя, по мере возвращения к мирной жизни с окончанием войны, тем же самым пролетариям пришлось столкнуться с альянсом, состоявшим из официального рабочего движения (социал-демократического — прим. перевод.) и «добровольческих корпусов» (военных формирований из представителей офицерского корпуса и буржуазии, созданных в Германии в 1918 г. для подавления революционного движения — прим. перевод.). Поражения следовали за поражениями: в Берлине, в Баварии и в Венгрии в 1919 г., разгром Красной армии Рура в 1920 г., провал «мартовской акции» 1921 г.

В сентябре 1939 г. Гитлер и Сталин разделили Польшу. На пограничном мосту в Брест-Литовске несколько сотен членов КПГ, которые бежали в СССР, а затем были арестованы как «контрреволюционеры» или «фашисты» и посажены в сталинские тюрьмы, были переданы в руки гестапо.

Два десятилетия, прошедшие между 1917 г. и 1939 г., потрясли мир. Ужасы фашизма и Второй мировой войны, равно как и послевоенные перемены стали последствиями гигантского социального кризиса, начавшегося с восстаний 1917 г. и завершившегося гражданской войной в Испании.

Настоящий текст представляет собой сокращенную и полностью переработанную версию предисловия к изданию сборника материалов группы «Bilan» «Контрреволюция в Испании 1936-1939 гг.» (Париж, 1979). Речь далее пойдет о вопросе развития фашизма, а также об антифашизме в нынешнюю эпоху.

Фашизм и крупный капитал

Существует формула, ставшая известной благодаря Даниэлю Герену: фашизм служит интересам крупного капитала. 99% людей, ссылаясь на этот совершенно правильный тезис, сразу же прибавляют, что несмотря ни на что фашизм можно было отразить в 1922 г. или в 1933 г., если бы рабочее движение и / или демократы действовали более решительно, чтобы не допустить его к власти. Если бы только в 1921 г. итальянская Социалистическая партия и новообразованная итальянская Коммунистическая партия объединились с республиканскими силами, чтобы остановить Муссолини, если бы в начале 30-х гг. Коммунистическая партия Германии не затеяла братоубийственную борьбу против Социал-демократической партии, Европа избежала бы одной из самых жестоких диктатур в истории, Второй мировой войны, нацистской империи, охватившей большую часть континента, концлагерей и уничтожения евреев.

Несмотря на совершенно правильное замечание относительно классов, государства и связи между фашизмом и крупными предпринимателями, такой взгляд упускает из виду, что фашизм вырос из двойного поражения. Сначала это было поражение революционеров после Первой мировой войны, разгромленных социал-демократией и парламентской демократией, а затем, в течение 20-х гг., провал демократов и социал-демократов в роли управляющих капитала. Приход к власти и, тем более, природу фашизма совершенно невозможно понять, не поняв всего предшествующего периода равно как и более ранней фазы классовой борьбы и ее ограниченности. Вот почему нельзя считать случайным, что Герен неверно оценивает как Народный фронт, в котором он усматривает «неудавшуюся революцию», так и действительное значение фашизма.

Реальная основа фашизма состояла в экономической и политической унификации капитала — тенденции, которая после 1914 г. стала всеобщей. Фашизм был особым путем осуществления такой унификации в Германии и Италии — странах, где, несмотря на то, что революция выдохлась, государство было не в состоянии водворить порядок, включая и порядок в рядах самой буржуазии. Муссолини не был Тьером, чья власть покоилась на солидной основе, могущим бросить регулярные армейские части на истребление коммунаров. Важнейшим аспектом фашизма было то, что он родился на улице, использовал беспорядок, чтобы установить порядок, мобилизовал старые средние классы, полуобезумевшие от своего заката, и возродил извне государство, неспособное справиться с кризисом капитализма. Фашизм был попыткой буржуазии насильственно усмирить свои собственные противоречия, повернуть рабочие методы мобилизации масс к своей собственной выгоде и развернуть все ресурсы современного государства вначале против внутреннего врага, а затем и против внешнего.

В процессе перехода к тотальному господству капитала над обществом государство оказалось в кризисе. Вначале для того, чтобы справиться с пролетарскими волнениями, потребовались рабочие организации, затем, чтобы

покончить с последующим беспорядком, понадобился фашизм. Этот беспорядок, конечно же, не был революционным, но он играл парализующую роль и подталкивал к решению, которое могло быть, таким образом, только насильственным. Кризис удалось преодолеть только на время, фашистское государство было лишь внешне эффективным, поскольку интегрировало наемную рабочую силу насильственно и искусственно скрывало конфликты, переводя их в русло военной авантюры. Кризис удалось относительно преодолеть только обладающему множеством щупальцев демократическому государству, созданному в 1945 г., которое потенциально прибегая к фашистским методам и прибавив к ним свои собственные, нейтрализовало рабочие организации, не разрушая их. Парламенты утратили контроль над исполнительной властью. С помощью политики благосостояния или принуждения к труду, современных технологий надзора или государственной поддержки, распространенной на миллионы людей, короче говоря, с помощью системы, делающей каждого человека все более и более зависимым, социальная унификация осуществлялась, не прибегая к фашистскому террору, а фашизм как особое движение исчез. Он соответствовал форсированному насаждению буржуазной дисциплины, под давлением государства, в особых обстоятельствах новых государств, настоятельно принужденных конституироваться как нации. Даже само слово «фашизм» буржуазия заимствовала у рабочих организаций Италии, которые часто назывались «фаши» (союзами, — прим. перевод.). Характерно, что вначале фашизм определял себя как форму организации, а не программу. Его единственная программа состояла в насильственной организации всех, в принудительном превращении всех компонентов в части общественного целого. Диктатура — это не оружие буржуазии (как только может, она заменяет ее другим, менее brutальным оружием); диктатура — это одна из ее тенденций, которая осуществляется тогда, когда в ней есть необходимость. «Возвращение» к парламентской демократии, как это произошло (к примеру) в Германии после 1945 г., означало, что диктатура бесполезна для интеграции масс в государство (по крайней мере, до следующего раза).

Вот почему проблема состоит не в том, что демократия обеспечивает более гибкое господство, чем диктатура. Любой человек предпочел бы, чтобы его эксплуатировали по-шведски, нежели быть похищенным пиночетовцами. Но есть ли у него ВЫБОР? Даже благородная скандинавская демократия может быть превращена в диктатуру, если этого потребуют обстоятельства. У государства есть лишь одна функция, и оно осуществляет ее по-демократически или по-диктаторски. Первый вариант менее жесток, но это не означает, что можно заставить государство не прибегать ко второму. Формы капитализма зависят не от предпочтений наемных работников, а от намерений буржуазии. Веймарская республика с готовностью капитулировала перед Гитлером. Народный фронт Леона Блюма не «предотвратил фашизм»: во Франции в 1936 г. не было нужды ни в авторитарной унификации капитала, ни в сжимании

средних классов.

Нет никакого политического «выбора», стоящего перед пролетариями или хотя бы навязанного им. Демократия — это не диктатура, но демократия подготавливает диктатуру и сама готовится к ней. Сущность антифашизма состоит в сопротивлении фашизму посредством защиты демократии; он не ведет более борьбы с капитализмом, а пытается оказать на него давление, чтобы заставить отказаться от тоталитарного решения. Как только социализм отождествляется с полной демократией, а капитализм — с растущей тенденцией к фашизму, антагонизм между пролетариатом и капиталом, коммунизмом и наемным трудом, пролетариатом и государством отбрасывается в пользу противопоставления демократии и фашизма, изображаемого как сердцевина революционной перспективы. Официальные левые и крайне левые заявляют нам, что реальные преобразования станут, наконец, осуществлением идеалов 1789 г., полностью преданных буржуазией. Новый мир? Зачем, он уже здесь, в некотором роде, в виде зародыша, который следует охранять, в облике маленьких ростков, о которых надо ухаживать: уже существующие демократические права следует развивать все дальше и дальше в рамках бесконечно совершенствуемого общества, со все большими ежедневными дозами демократии, пока не будет достигнута полная демократия, или социализм. Сведенная, таким образом, к антифашистскому сопротивлению, социальная критика рассыпает дифирамбы всему тому, что прежде осуждала, и отказывается ни от чего-нибудь, а от революции — в пользу дозированной постепеновщины, разновидности «мирного перехода к социализму». За такое уже выступали некогда компартии, над этим еще до 1968 г. смеялись все серьезные люди, выступавшие за изменение мира. Регресс очевиден.

Мы не призываем смеяться, обвиняя левых и крайне левых в отказе от коммунистической перспективы, о которой они на самом деле знают только тогда, когда выступают против нее. То, что антифашизм — отказ от революции, слишком очевидно. Но антифашизм терпит провал именно там, где его «реализм» претендует на эффективность: в попытках предотвратить возможную диктаторскую мутацию общества. Буржуазная демократия — это этап захвата власти капиталом, и ее распространение в XX столетии завершила господство капитала, усилив изоляцию индивидов. Предложенная как лекарство против разрыва между человеком и коллективом, между деятельностью людей и обществом и между классами, демократия никогда не могла разрешить проблему наиболее сильно разделенного общества в человеческой истории. Демократия — это форма, раз и навсегда неспособная изменить свое содержание, это только часть той проблемы, разрешить которую она якобы предназначена. Она всякий раз утверждает, что усиливает «социальные связи», но в действительности способствует их разрушению. Демократия всякий раз маскирует противоречия товарного производства, натягивая «сеть страховки», которую государство подводит под социальные отношения. Даже в их собственных терминах, от ко-

торых они яростно отказываются, антифашистам, чтобы быть убедительными, нужно будет объяснить нам, каким образом местная демократия может сочетаться с колонизацией человеческой жизни товарным производством, которое опустошает общественные места и наполняет торговые улицы. Они должны будут объяснить, почему всемогущее государство, к которому люди постоянно обращаются за поддержкой и помощью, эта подлинная машина по производству социального «блага», не станет совершать «зло», если взрывоопасные противоречия потребуют от нее восстановления порядка. Фашизм — это преклонение перед государственным чудовищем, тогда как антифашизм — его более утонченная апология. Борьба за демократическое государство — это неизбежно борьба за укрепление государства. Она не наносит ни малейшего ущерба тоталитаризму, но только усиливает тоталитарное удушье общества.

Рим, 1919 — 1922 гг.

Фашизм восторжествовал в странах, в которых революционная буря после Первой мировой войны вылилась в серию вооруженных восстаний. В Италии значительная часть пролетариата, используя свои собственные методы и выдвигая свои собственные цели, вступил в прямое столкновение с фашизмом. В ее борьбе не было ничего специфически антифашистского: противоборство с капиталом вынуждало рабочих бороться как с чернорубашечниками, так и с полицией парламентской демократии. Фашизму единственному удалось придать контрреволюции массовую базу и спародировать революцию. Фашизм повернул призыв «превратить империалистическую войну в гражданскую» против рабочего движения. Он выступил как реакция демобилизованных ветеранов, вернувшихся к мирной жизни, в которой они были ничем, удерживавшихся вместе только коллективным насилием и рвавшихся уничтожить всех тех, кого они считали причиной своего неимущего состояния — спекулянтов, смутьянов, врагов нации и т.д. Вначале фашизм стал помощником полиции в сельских районах, расстреливая сельскохозяйственный пролетариат, но в то же время выступая с бешеной антикапиталистической демагогией. В 1919 г., когда он еще никого не представлял, фашизм требовал ликвидации монархии, сената и дворянских титулов, предоставления женщинам избирательных прав, конфискации церковного имущества, экспроприации крупных землевладельцев и промышленников. Борясь против рабочего от имени «производителя», Муссолини перевозносил память о рассыпающихся ценностях, социальных связях и труде. Буржуазия традиционно пыталась отрицать реальность социальных противоречий, фашизм же, напротив, с применением насилия провозглашал ее, отрицая существование противоречий между классами и переводя их в русло борьбы между нациями, сетуя на судьбу Италии как «пролетарской нации». Фашистские репрессии были спущены с цепи после поражения пролетариата, нанесенного ему, главным образом, руками демократии и ее прихвостней — партий и профсоюзов -, которые только и сумели разгромить рабочих, используя соединение прямых и косвенных методов. Было бы неверно представлять приход фашизма к власти как кульминацию уличных боев, в ходе которых рабочие были разбиты. В Германии пролетариат был разгромлен за 11-12 лет до того. В Италии они были побеждены как бюллетенями, так и пулями. В 1919 г., объединив ранее существовавшие элементы с другими, близкими к нему политически, Муссолини создал свои «фаши». В ответ на дубинки и револьверы, в то время как Италия пылала вместе со всей остальной Европой, демократия призвала . . . к выборам, породившим умеренное и социалистическое большинство. «Победа, избрание 150 социалистических депутатов, была завоевана за счет отлива повстанческого движения и всеобщей политической стачки и ликвидации прежде сделанных завоеваний», — комментировал Бордига 40 лет спустя. Во время захватов фабрик рабочими в 1920 г. государство воздержалось от лобового удара и позволило пролетариату истощить себя с помощью Всеобщей конфедерации труда ВКТ (самого крупного профсоюза,

контролируемого социалистами), которая усмирила стачку, не ломая ее открыто. Когда появлялись «фаши» и громили «народные дома», полиция была слепа и глуха или же конфисковывала оружие у рабочих. Суды демонстрировали огромную снисходительность по отношению к «фаши», а армия проявляла терпимость к их выходкам, если не прямо помогала им. Эта открытая, хотя и неофициальная поддержка стала почти официальной, когда Бономи (премьер-министр, — прим. перевод.) издал 20 октября 1921 г. циркуляр, позволивший 60 тысячам демобилизованных офицеров занять командные посты в штурмовых группах Муссолини. А что делали партии? Либералы, вступив в союз с правыми, не замедлили создать «Национальный блок» к выборам в мае 1921 г., включив в него и фашистов. В июне-июле того же года итальянская соцпартия, которая в борьбе с противниками действовала без малейших угрызений совести, заключила бессмысленный «пакт об умиротворении» (с фашистами, — прим. перевод.): его единственным результатом стала дальнейшая дезориентация рабочих. Перед лицом очевидной политической реакции ВКТ объявила о своей аполитичности. Чувствуя, что Муссолини близок к власти, профсоюзные лидеры стали помышлять о молчаливом соглашении с фашистами о взаимной терпимости и призвали пролетариат не вмешиваться в противостояние между компартией и Национальной фашистской партией.

До августа 1922 г. фашизм почти не существовал за пределами аграрных регионов, главным образом, на Севере, где он истребил все следы автономного профсоюзного движения сельскохозяйственных рабочих. В 1919 г. фашисты сожгли штаб-квартиру социалистической газеты, но в 1920 г. они не брали на себя роль штрейкбрехеров и даже поддержали на словах требования рабочих. В городских районах фашистам редко удавалось добиться преобладания. Их «марш на Равенну» (сентябрь 1921 г.) был с легкостью разгромлен. В ноябре 1921 г. в Риме всеобщая стачка предотвратила проведение фашистского конгресса. В мае 1922 г. фашисты попытались сделать это еще раз и снова были остановлены. Сценарий мало изменялся. Локализованная фашистская атака встречалась контратакой рабочего класса, которая затем смягчалась (после призывов реформистского рабочего движения к умеренности) по мере ослабления реакционного давления; пролетарии передоверяли разоружение вооруженных банд демократам. Фашистская угроза снижалась, силы перегруппировывались и переходили в другое место, со временем приобретая доверие того самого государства, от которого массы ожидали спасения. Пролетарии скорее распознавали врага в черных рубашках на улице, нежели в «нормальной» форме полицейского или солдата, задрапированной в легальность, санкционированную обычаем, законом и всеобщим избирательным правом.

С начала июля 1922 г. ВКТ большинством в две трети голосов (вопреки голосам коммунистического меньшинства в одну треть) заявила о своей поддержке «любого правительства, гарантирующего восстановление основных свобод». В

том же самом месяце фашисты серьезно продвинулись в своих попытках проникнуть в северные города. 1 августа «Альянс труда», включавший профсоюз железнодорожников, ВКТ и анархистский Итальянский синдикальный союз USI, призвал к всеобщей стачке. Несмотря на широкий успех, Альянс отменил 3 августа стачку во многих городах, однако она продолжалась в форме восстания, подавленного в конечном счете совместными усилиями полиции и армии при поддержке морской артиллерии и, разумеется, при помощи фашистов. Кто расстроил энергию пролетариата? Всеобщая стачка была сломлена государством и «фаши», но удушила ее демократия, и ее поражение открыло путь фашистскому решению кризиса. То, что последовало за этим, было не столько государственным переворотом, сколько передачей власти при поддержке всего конгломерата сил. «Марш на Рим», организованный дуче (который в это время как раз садился на поезд) был не столько раскрытием карт, сколько театральным фарсом: фашисты делали вид, что нападают на государство, государство делало вид, что защищается, а Муссолини получил власть. Его ультиматум от 24 октября («Мы хотим стать государством») был не знаком гражданской войны, а сигналом правящему классу, что Национальная фашистская партия представляет собой единственную силу, способную восстановить авторитет государства и обеспечить политическое единство страны. Армия могла сдерживать фашистские группы, собранные в Риме, плохо вооруженные и сильно уступающие ей по военному уровню; государство могло противостоять давлению мятежников. Но игра шла не на военном уровне. В особенности под влиянием Бадольо (главнокомандующего в 1919 — 1921 гг.) законная власть сдалась. Король отказался объявить чрезвычайное положение, а 30 октября поручил дуче формирование нового правительства. Либералы — те самые люди, которых антифашизм причисляет к силам, должным остановить фашизм — вошли в это правительство. Все партии, за исключением социалистов и коммунистов, искали сближения с Национальной фашистской партией и голосовали за Муссолини. Парламент, в котором было всего 35 фашистских депутатов, выразил доверие Муссолини 306 голосами против 116. Сам Джолитти, великая икона либералов того времени, авторитарный реформист, неоднократно возглавлявший государственный совет до Первой мировой войны и глава правительства в 1920-1921 гг., человек, которого светлые умы впоследствии изображали единственным политиком, способным противостоять Муссолини, поддерживал его до 1924 г. Диктатор не только получил свою власть из рук демократии, демократия ратифицировала его. Мы можем добавить, что в последующие месяцы многие профсоюзы, включая (среди прочих) профсоюз железнодорожников, объявили себя «национальными», патриотическими и потому не враждебными по отношению к режиму, однако репрессии их не пощадили.

Турин, 1943 г.

Если итальянская демократия капитулировала перед фашизмом, в основном, без всякой борьбы, то фашизм снова породил демократию, когда перестал соответствовать балансу социальных и политических сил.

Центральный вопрос после 1943 г. был тем же, что и в 1919 г.: как удержать под контролем рабочий класс. В Италии в еще большей степени, чем в других странах, окончание Второй мировой войны продемонстрировало классовую сторону международного конфликта, не поддающуюся объяснению с точки зрения одной лишь военной логики. В октябре 1942 г. вспыхнула всеобщая стачка на заводе «ФИАТ!». В марте 1943 г. по Турину и Милану прокатилась забастовочная волна, включая попытки создания рабочих Советов. В 1943-1945 гг. появились рабочие группы, подчас независимые от компартии и называвшие себя «бордигистами», часто также — антифашистскими, красными и вооруженными. Режим больше не мог поддерживать социальное равновесие, точно также как альянс с Германией оказался бессилён перед подъемом англо-американцев, которых повсюду считали будущими хозяевами Западной Европы. Переметнуться на другую сторону значило примкнуть к будущему победителю, а также подчинить рабочие восстания и партизанские группы патриотической цели с социальным содержанием.

10 июля 1943 г. союзники высадились на Сицилии. 24 июля, оказавшись в меньшинстве в Большом фашистском совете в соотношении 19:17, Муссолини ушел в отставку. Редко когда диктатор уходит, подчиняясь голосованию большинства. Маршал Бадольо, который занимал высокие посты при режиме еще со времен «марша на Рим» и пытался, по его собственным словам, предотвратить «коллапс режима в результате слишком сильного сползания влево», сформировал правительство, оставшееся фашистским, но уже без дуче, и обратился к демократической оппозиции. Демократы отказались принять в нем участие, выдвинув в качестве условия отречение короля. Бадольо сформировал второе переходное правительство, а в апреле 1944 г. — третье, включавшее лидера коммунистической партии Тольятти. Под давлением союзников и компартии демократы согласились признать короля (республика была провозглашена на референдуме только в 1946 г.). Но Бадольо вызывал слишком у многих дурные воспоминания. В июне правительство сформировал Бономи, тот самый, который за 23 года до этого приказал офицерам возглавить «фаши». В нем уже действительно не было фашистов, а положение стало вращаться вокруг трехпартийной формулы (коммунисты, социалисты, христианские демократы), которая господствовала в Италии и во Франции в первые послевоенные годы. Эта музыкальная игра в стулья, исполняемая зачастую одним и тем же политическим классом, служила театральной сценой, за которой демократия превращалась в диктатуру и наоборот, по мере того как фазы равновесия и дисбаланса в конфликтах классов и наций порождали преемственность и перетасовку политических форм, направленные на сохранение того же самого государства с тем же самым содержанием. Вряд ли кто-нибудь знал это лучше,

чем испанская компартия, заявлявшая одновременно цинично и наивно в период перехода от франкизма к демократической монархии в середине 70-х гг.: «Испанскому обществу нужно что-нибудь, чтобы могло быть обеспечено нормальное функционирование государства, без каких-либо обходных маневров или социальных потрясений. Преемственность государства требует отказа от преемственности режима»

**«Народное сообщество»
ПРОТИВ ОБЩИНЫ**

Контрреволюция неизбежно торжествует на почве революции. Национал-социализм утверждал, что с помощью своего «народного сообщества» он уничтожил парламентаризм и буржуазную демократию, против которых пролетариат восставал после 1917 г. Но консервативная революция заимствовала и более старые антикапиталистические тенденции (возвращение к природе, бегство из городов и т.д.), которые отрицались или недооценивались рабочими партиями — даже наиболее крайними из них. Эти партии были неспособны интегрировать внеклассовые и коммунитарные стороны пролетариата, неспособны к критике экономики и не могли представить себе новый мир иначе как распространение тяжелой промышленности. В первой половине XIX столетия эти темы стояли в центре внимания социалистического движения, пока «марксизм» не отказался от них во имя прогресса и науки и они не выжили только в анархизме и в религиозных сектах. «Народное сообщество» против общины, национальная общность против человеческого сообщества. 1933 год стал не поражением, а только его результатом. Нацизм вырос и восторжествовал, чтобы обозначить, разрешить и закрыть социальный кризис настолько глубокий, что его размах мы до сих пор не в состоянии полностью понять. Германия, колыбель самой крупной в мире социал-демократии, породила и самое радикальное, антипарламентское и антипрофсоюзное движение, опиравшееся на «рабочую» среду, но способное привлечь к себе и многие другие проявления антибуржуазного и антикапиталистического бунта. Присутствие представителей авангардного искусства в рядах «немецких радикальных левых» не случайно. Это было характерно для критики капитала как «цивилизации» — подобно тому, как это делал Фурье. Разрушение общинных связей, индивидуализм и стадность, нищета сексуальности, семья, подорванная, но в то же время утверждаемая как убежище, отчуждение от природы, индустриализация питания, растущая искусственность, протезированность человека, регламентация времени, все большее опосредование социальных связей в виде денег и техники — все эти формы отчуждения прошли через огонь рассеянной и многообразной критики. Только поверхностный взгляд назад может рассматривать этот фермент только через призму его неизбежного возмещения. Контрреволюция восторжествовала в 20-х гг. только когда в Германии и в США были заложены основы общества потребления и фордизма, а миллионы немцев, включая рабочих, были брошены в пучину индустриалистской современности товарного производства. Десять лет правления, хрупкость которого была продемонстрирована гиперинфляцией 1923 г. В 1929 г. за этим последовало гигантское землетрясение, в ходе которого не только пролетариат, но и сама капиталистическая практика отреклась от идеологии прогресса и постоянно растущего потребления объектов и знаков. Экстремизм нацистов и развязанное ими насилие были адекватны глубине революционного движения, которое они перехватили и отрицали, адекватны этим двум восстаниям против капиталистической современности, разделенным десятилетием, — сначала со

стороны пролетариата, а затем со стороны капитала. Подобно радикалам 1919-1921 гг., нацизм предлагал сообщество наемных тружеников, но только авторитарное, закрытое, национальное и расовое, и на 12 лет ему удалось превратить пролетариев в наемных рабочих и в солдат.

Берлин, 1919-1933

Диктатура всегда приходит после поражения социальных движений, после того, как они усыпляются и умерщвляются демократией, левыми партиями и профсоюзами. В Италии окончательное поражение пролетариата и приход фашистского вождя к руководству государством разделяют несколько месяцев. В Германии преемственность разделяется и создается разрывом в 12 лет. 30 января 1933 г. предстает прежде всего как политическое или идеологическое явление, а не как следствие прежнего социального землетрясения. Народная основа национал-социализма и его убийственная энергия остаются тайной, если мы будем игнорировать вопросы о покорности, бунте и контроле над трудом, о его положении в обществе. Поражение Германии в 1918 г. и падение империи привели в движение пролетарское наступление, достаточно сильное для того, чтобы сотрясти основы общества, но неспособное революционизировать его. Это поставило социал-демократию и профсоюзы в центральное положение ключа к социальному равновесию. Социал-демократические и профсоюзные вожди выдвинулись как люди порядка и не стеснялись вызывать «добровольческие корпуса» — абсолютно фашистские группировки, в рядах которых было много будущих нацистов — чтобы подавить радикальное меньшинство рабочих во имя интересов реформистского большинства. Разбитые сперва правлением буржуазной демократии, коммунисты затем потерпели поражение от рабочей демократии: «рабочие Советы» выразили доверие традиционным организациям, а не революционерам, с легкостью заклеянным как антидемократы. Соединение демократии и социал-демократии было совершенно необходимо германскому капитализму, чтобы привести рабочих в порядок, убить бунтарский дух в кабинетах для голосования, чтобы добиться у хозяев серии реформ и рассеять революционеров.

С другой стороны, после 1929 г. капитализм нуждался в уничтожении части средних классов, в навязывании дисциплины пролетариям и даже буржуазии. Рабочее движение, отстаивавшее политический плюрализм и непосредственные интересы рабочих, стало препятствием на этом пути. Организации рабочего класса выполняли функции посредников между капиталом и трудом, но теперь обе стороны не признавали за ними этой роли. Тем не менее, они пытались сохранить автономию от обеих сторон и от государства. Социал-демократия имеет смысл только как сила, соперничающая с предпринимателями и государством, но не поглощенная ими. Ее призвание состоит в управлении гигантской политической, социальной, обеспечивающей взаимопомощь и культурной сетью, всем тем, что сегодня назвали бы «ассоциативным». Более того, компартия Германии быстро создала свою собственную сеть, более маленькую, но тем не менее широкую. Но по мере того, как капитал становился все более организованным, он стремился связать вместе все свои различные нити, внося государственный элемент на предприятия, буржуазный элемент — в профсоюзную бюрократию и социальный элемент — в администрацию.

Сила рабочего реформизма, проникшего, в конечном итоге, в государство, и его существование в качестве своего рода «контр-общества» превращали его в фактор социальной консервации и мальтузианства. Капитал, оказавшийся в кризисе, должен был ликвидировать этот фактор. Защищая наемный труд как составную часть капитализма, СДПГ и профсоюзы выполняли в 1919-1921 гг. крайне необходимую антикоммунистическую функцию. Но теперь та же сама функция побуждала их ставить интересы наемной рабочей силы превыше всего, в ущерб делу реорганизации капитала как целого. Стабильное буржуазное государство попыталось бы решить проблему с помощью антипрофсоюзного законодательства, разгрома «рабочих бастионов» и выдвижения средних классов во имя современности в противовес архаизму пролетариев, как это было сделано позднее в тэтчеровской Англии. Но такое наступление предполагает, что капитал более или менее объединен под контролем немногих господствующих фракций. Однако германская буржуазия в 30-х гг. была глубоко расколота, средние классы находились в состоянии коллапса, а государство-нация — в хаосе. Современная демократия представляет и примиряет антагонистические интересы, насколько это оказывается в ее силах — посредством соглашений или силой. Бесконечные парламентские кризисы, реальные или воображаемые заговоры (полем которых стала Германия после падения последнего социалистического канцлера в 1930 г.) при демократии были постоянным признаком длительного беспорядка в правящих кругах. В начале 30-х гг. кризис поставил буржуазию перед выбором несовместимых социальных и геополитических стратегий: растущей интеграции рабочего движения или его ликвидации, развития мировой торговли и пацифизма или автаркии, закладывающей основы военной экспансии. Решение не обязательно означало приход Гитлера, но оно предполагало концентрацию силы и насилия в руках центрального правительства. Когда центристско-реформистский компромисс истощился, единственным вариантом могло стать государственническое, протекционистское и репрессивное решение. Такая программа требовала насильственного разгрома социал-демократии, которая, приручая рабочих, приобрела огромное влияние, но была неспособна унифицировать вокруг себя всю Германию. Эта унификация стала задачей нацизма, способного обращаться ко всем классам, от безработных до капитанов индустрии, используя демагогию, превосходящую демагогию буржуазных политиков, и антисемитизм, обеспечивающий сплоченность одних посредством исключения других.

Выходит, что рабочие партии сделались препятствием для такого рода ксенофобского и расистского безумия после того, как столь часто шли вместе с национализмом? Что касается СДПГ, то это стало ясно с начала века, очевидно в 1914 г. и скреплено кровью в пакте 1919 г. с «добровольческими корпусами», отлитыми в той же военной форме, что и современные им «фаши». Компартия Германии, в свою очередь, не замедлила вступить в союз с националистами против французской оккупации Рура в 1923 г. и открыто заговорила о «на-

циональной революции», что побудило Троцкого написать в 1931 г. памфлет против национал-большевизма. В январе 1933 г. жребий был брошен. Никто не может отрицать, что Веймарская республика с готовностью предалась Гитлеру. Как правые, так и центр рассматривали его как эффективное решение, чтобы вывести страну из тупика, или как некое временное меньшее зло. «Крупный капитал», опасавшийся любого неконтролируемого сдвига, до поры до времени был по отношению к нацистской партии не щедрее, чем к другим националистическим и правым формированиям. Только в 1932 г. Шахту, доверенному советнику буржуазии, удалось убедить круги бизнеса поддержать Гитлера (тем более, что тот несколько утратил поддержку избирателей), поскольку увидел в нем силу, способную унифицировать государство и общество. То, что крупная буржуазия не предвидела и не принимала во внимание, что за этим последует, приведя к войне и поражению, — это уже другой вопрос. Во всяком случае, она не присутствовала в значительной степени в тайном сопротивлении режиму.

30 января 1933 г. Гитлер был совершенно легально назначен канцлером. Его назначил Гинденбург, за год до того переизбранный конституционным президентом при поддержке социалистов, видевших в нем оплот против . . . Гитлера. Нацисты были в меньшинстве в первом правительстве, сформированном лидером НСДАП. В течение нескольких недель маски были сброшены: активисты рабочего движения были схвачены, его бюро конфискованы, установлено царство террора. На выборах в марте 1933 г., которые проходили в атмосфере насилия со стороны штурмовиков и полиции, НСДАП провела в рейхстаг 288 депутатов (у КПП осталось 80, у СДПГ 120 депутатов). Наивные люди могут удивиться покорности, с которой репрессивный аппарат повиновался диктаторам, но государственная машина всегда подчиняется власти, которая распоряжается ею. Разве новые вожди не были полностью законными? Разве видные юристы не сочиняли их указы в соответствии с верховными законами страны? В «демократическом государстве» (а Веймарская республика была именно таким) в случае возникновения конфликта между частями двучленной системы — демократией и государством — победа оказывается не на стороне демократии. В «правовом государстве» (каким был Веймар) в случае возникновения противоречия право подчиняется государству, а не наоборот.

Что же делали демократы на протяжении этих нескольких месяцев? Правые приняли новое испытание. Католическая партия Центра, поддержка которой на выборах в марте 1933 г. даже возросла, проголосовала за предоставление Гитлеру всей полноты власти сроком на 4 года. Эта власть стала легальной основой для последующей диктатуры. В июле Центр вынужден был самораспуститься. Социалисты, со своей стороны, попытались избежать судьбы КПП, запрещенной 28 февраля вслед за пожаром рейхстага. 30 марта 1933 г. они вышли из Второго Интернационала, чтобы доказать свой национальный германский характер. 17 мая их парламентская группа голосовала в поддержку внешней политики Гитлера. Тем не менее, 22 июня СДПГ была распущена «как

враг народа и государства». Профсоюзы пошли по стопам итальянской ВКТ и пытались спасти, что можно, настаивая на своей аполитичности. В 1932 г. профсоюзные лидеры провозгласили свою независимость от всех партий и индифферентность по вопросу о форме государства. Это не помешало им стремиться к соглашению со Шлейхером, который занимал пост канцлера в ноябре 1932 — январе 1933 гг. и пытался обрести себе опору и доверие среди рабочих с помощью демагогии. После того, как нацисты сформировали правительство, профсоюзные лидеры убедили себя в том, что если они признают национал-социализм, режим сохранит за ними хотя бы небольшое пространство для действия. Вершиной этой стратегии стал фарс, когда члены профсоюзов маршировали под знаком свастики 1 мая 1933 г., в день, переименованный в «Праздник немецкого труда». Они зря старались. В последующие дни нацисты ликвидировали профсоюзы и арестовали их активистов.

Приученная сдерживать массы, сговариваться от их имени или давить их в случае неудачи, рабочая бюрократия проиграла свое последнее сражение. Ее тайные жертвы завели ее в никуда. Рабочая бюрократия подверглась атакам не столько за недостаток патриотизма, а скорее как ненужный расход для класса капиталистов. Буржуазию беспокоили не запоздалая и неискренняя словесная приверженность бюрократов старому интернационализму в стиле до 1914 г. — само существование профсоюзов, пусть даже раболепных, означало сохранение определенной независимости в эпоху, когда капитал не мог уже терпеть никакого другого сообщества, кроме своего собственного. Такого, в котором даже орган классового сотрудничества становился излишним, если государство не могло его полностью контролировать.

Барселона, 1936

В Италии и в Германии фашизм овладел государством легальным путем. Демократия капитулировала перед диктатурой или — еще хуже — встретила диктатуру с открытыми объятиями. А что произошло в Испании? Испания не является исключительным случаем решительного действия, которое, тем не менее, потерпело печальное поражение. Но это был крайний случай вооруженного конфликта между демократией и фашизмом, в котором природа борьбы сводилась к тому же столкновению двух форм капиталистического развития, двух форм политических форм капиталистического государства, двух государственных структур, сражавшихся за то, чтобы легитимно управлять страной. Неучастие! «Так что же, по вашему мнению, Франко и рабочая милиция — одно и то же? Крупные землевладельцы и бедные крестьяне, превращающие землю в коллективное достояние, находятся в одном и том же лагере?» Прежде всего, конфронтация возникла только потому, что рабочие поднялись против фашизма. Вся мощь и вся противоречивость движения проявились в первые его недели: бесспорная классовая война была превращена в капиталистическую гражданскую войну (хотя в ней и не было, разумеется, заранее выработанных соглашений или распределенных ролей, когда две фракции буржуазии манипулируют всеми действиями масс). История общества, разделенного на классы, в конечном счете, определяется необходимостью объединить эти классы. Если, как произошло в Испании, народный взрыв сочетается с замешательством в правящих группах, социальный кризис становится кризисом государства. Муссолини и Гитлер одержали победу в странах со слабым, недавно объединенным национальным государством и мощными регионалистскими течениями. В Испании же, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до современного периода, государство было колониальной военной державой торгового общества. Но оно же и разрушило это общество, не допустив проведения предварительного условия индустриальной экспансии — аграрной реформы. Индустриализации приходилось прокладывать себе дорогу через преграды монополий, разрывания общественных фондов и паразитизм. Не хватит места для описания происходившей на протяжении 19 века пестрого лоскутного одеяла бесконечных реформ и тупиков либерализма, династических фракций, карлистских войн, трагикомической череды режимов и партий перед Первой мировой войной, а также цикла восстаний и репрессий, последовавших за установлением республики в 1931 г. За всеми этими раскатами стояла слабость растущей буржуазии, разрывающейся между соперничеством с земельной олигархией и абсолютной необходимостью сдерживать восстания крестьян и рабочих. В 1936 г. земельный вопрос все еще не был разрешен. В отличие от Франции после 1789 г., в Испании распродажа церковных земельных владений в середине 19 века не привела к усилению землевладельческой буржуазии. Даже после 1931 г. Институт аграрной реформы использовал только треть находившихся в его распоряжении фондов для покупки крупных владений. Пожар 1936-1939 гг. никогда не принял бы политически столь крайнего характера, вплоть

до развала государства (и включая этот развал) на две фракции, вступивших между собой в трехлетнюю гражданскую войну, без потрясений, выросших из социальных пучин предшествовавших 100 лет.

Летом 1936 г., после того, как он дал военным мятежникам все шансы на подготовку выступления, избранный в феврале Народный фронт был готов к сделке и, возможно, даже к капитуляции. Политики предпочли бы заключить мир с мятежниками, как они это сделали при диктатуре Примо де Риверы (1923-1931 гг.), которую поддержали видные социалисты. Один из них — Ларго Кабальеро служил диктатуре в качестве технического советника, затем в 1931 г. стал министром труда, а с сентября 1936 г. по май 1937 г. возглавлял республиканское правительство. Кроме того, генерал Франко, за два года до этого повиновавшийся республиканскому порядку и подавивший восстание в Астурии, был для них не так уж плох. Однако пролетариат восстал, блокировал путч на половине территории страны и взялся за оружие. Делая это, рабочие, конечно, сражались с фашизмом, но действовали при этом не как антифашисты, поскольку их действия были направлены как против Франко, так и против демократического государства, больше опасавшегося инициативы рабочих, нежели восстания военных. На протяжении 24 часов сменились три премьер-министра, прежде чем был признан свершившийся факт вооружения народа. Ход восстания продемонстрировал еще раз, что проблема насилия не является, в первую очередь, технической. Победа достается не той из сторон, которая обладает преимуществом в вооружении (армии) или в численности (народу), а скорее той, которая отваживается проявить инициативу. Если рабочие проявляли доверие по отношению к государству, то государство оставалось пассивным или обещало луну с неба, как произошло в Сарагосе. Если их борьба оказывалась сконцентрированной и решительной (как в Малаге), рабочие одерживали победу. Если же им недоставало энергии, их топили в крови (20 тысяч убитых в Севилье).

Таким образом, испанская гражданская война началась с настоящего восстания, но такая характеристика неполна. Она верна лишь для начального момента борьбы — действительного пролетарского восстания. После разгрома сил реакции в большом числе городов власть там перешла к рабочим. Но что они должны были с ней сделать? Вернуть обратно республиканскому государству или использовать для того, чтобы двигаться вперед, к коммунизму? Созданный немедленно после восстания Центральный комитет антифашистских милиций включал делегатов от НКТ (конфедерации анархо-синдикалистских профсоюзов, — прим. перевод.), Федерации анархистов Иберии (ФАИ), Всеобщего союза трудящихся (ВСТ, социалистического профцентра, — прим. перевод.), ПОУМ (партии, объединившей несталинистских коммунистов и левых социалистов, — прим. перевод.), Объединенной социалистической партии Каталонии (ПСУК, продукта объединения компартии и соцпартии в Каталонии) и 4 представителей от Женералитата — регионального правительства

Каталонии. Став настоящим мостом между рабочим движением и государством и, более того, вовлеченный, если не интегрированный в Департамент обороны Женералитата благодаря присутствию в его составе советника по обороне Женералитата, комиссара по общественному порядку и т.д., ЦК милиций начал очень быстро растворяться. Конечно, отказавшись от своей автономии, пролетарии, несмотря ни на что, полагали, что по прежнему удерживают реальную власть и оставляют политикам только фасад власти, которой они не доверяли и которую следовало контролировать и подталкивать в благоприятном для них направлении. Разве они не вооружены? Это была роковая ошибка. Вопрос состоял не в том, в чьих руках оружие, а в том, что народ с ним делает? 10 или 100 тысяч вооруженных до зубов пролетариев ничего не значат, если доверяют чему-либо, кроме их собственной силы изменить мир. С другой стороны, на следующий день, месяц или год власть, авторитет которой они признали, отнимет у них оружие, так и не примененное ими против нее. Восставшие не тронули законное правительство, то есть существующее государство, и все их последующие действия проходили под его покровительством. Это была «революция, которая началась, но так и не смогла утвердиться», как писал Оруэлл. Этот основной момент определил как курс на проигрыш вооруженной борьбы против Франко, так и удушение и насильственное разрушение коллективизации и социализации со стороны обоих лагерей.

После лета 1936 г. реальная власть в Испании осуществлялась государством, а не организациями, профсоюзами, коллективами, комитетами и т.д. Даже когда Нин, глава ПОУМ, был советником министерства юстиции, «ПОУМ так и не смогла приобрести какое-либо влияние на полицию», как признал один из защитников этой партии. Хотя рабочие милиции были цветом республиканской армии и заплатили тяжелую цену в боях, они не имели веса в принятии решений высшим военным командованием, которое вместо этого интегрировало их в регулярные соединения (этот процесс завершился в начале 1937 г.), предпочитая скорее изнурить их, нежели терпеть их автономию. Что касается могущественной НКТ, то она отступала перед компартией, весьма слабой до июля 1936 г. (у нее было 14 депутатов в парламенте, Народного фронта, избранном в феврале 1936 г., в противовес 85 социалистам). Но оказавшейся в состоянии проникнуть в часть государственного аппарата и все больше приспособить государство к своей собственной выгоде против радикалов и особенно активистов НКТ. Вопрос стоял так: кто хозяин ситуации? И ответ был таков: государство может со всей жестокостью использовать свою власть, если сочтет это необходимым.

Если республиканская буржуазия и сталинисты теряли драгоценное время на разгон крестьянских коммун, разоружение милиций ПОУМ и аресты троцкистских «саботажников» и других «агентов Гитлера» в тот самый момент, когда антифашизм требовал бросить все силы на борьбу с Франко, то они делали это отнюдь не из жажды самоубийства. Для государства и компартии

(ставшей главной опорой государства через посредство армии и полиции) эти операции отнюдь не были потерей времени. Глава ОСПК, выражая общее мнение, заявил: «Прежде чем взять Сарагосу, нам надо взять Барселону». Главной целью был не разгром Франко, а сохранение контроля над массами, поскольку именно для этого существует государство. Барселона была отнята у пролетариев. Сарагоса осталась в руках фашистов.

Барселона, май 1937 г.

Полиция предприняла попытку захватить телефонную станцию, которая находилась под контролем анархистских (и социалистических) рабочих. В столице Каталонии, сердце и символе революции, законная власть ни перед чем не останавливалась, чтобы разоружить все, что оставалось живым, спонтанным и антибуржуазным. Более того, местная полиция была в руках ОСПК. Столкнувшись с открытой враждебностью власти, пролетарии, наконец, осознали, что это не их власть, что они вручили ей плоды своего восстания за 10 месяцев до этого и что это восстание следовало повернуть против нее. В ответ на силовую акцию государства Барселону парализовала всеобщая стачка. Но было уже слишком поздно. Рабочие все еще были способны восстать против государства (на сей раз, в его демократической форме), но они уже не могли довести свою борьбу до точки открытого перелома.

Как всегда, «социальный» вопрос превалировал над военным. Законная власть не могла одержать победу в уличной борьбе. За несколько часов вместо городской партизанской войны возникла позиционная война, противостояние между отдельными зданиями. Это был оборонительный пат, при котором никто не мог победить, потому что никто не нападал. Когда ее собственное наступление захлебнулось, полиция уже не рисковала бросить свои силы в атаку на здания, контролируемые анархистами. В целом, компартия и государство удерживали центр города, в время как НКТ и ПОУМ контролировали рабочие районы. В конце концов, статус-кво был установлен политическими средствами. Массы доверяли двум организациям, подвергшимся нападениям, однако эти организации, опасаясь оказаться в отчуждении от государства, побудили народ вернуться к работе (хотя и не без трудностей) и тем самым подорвала единственную силу, способную спасти их политически и . . . «физически». Как только стачка окончилась, правительство, поняв, что оно теперь контролирует ситуацию, ввело в город 6 тысяч штурмовых гвардейцев — элиту полиции. Приняв посредничество «представительных организаций» и примирительные советы НКТ и ПОУМ, тот же самый народ, который разгромил фашистских военных в июле 1936 г., сдался без борьбы республиканской полиции в мае 1937 г. С этого момента можно было начать репрессии. Всего лишь несколько недель потребовалось, чтобы запретить ПОУМ, арестовать ее лидеров, убить их легально или иным способом, похитить Нина. Была создана параллельная полиция, размещенная в тайных помещениях. Она была организована НКВД и тайным аппаратом Коминтерна и подчинялась только Москве. С этого момента любой, кто демонстрировал малейшую оппозицию по отношению к республиканскому государству и ее главному союзнику — СССР, объявлялся «фашистом» и подвергался аресту, а по всему миру целая армия добросовестных, благородных душ повторяли ложь, одни по незнанию, другие — исходя из собственных интересов, но все они были убеждены, что никакое обвинение не является чрезмерным, когда фашизм наступает. Ярость, с которой обрушились на ПОУМ, нельзя считать отклонением от нормы. Высту-

пив против московских процессов. ПОУМ обрекла себя на разгром со стороны сталинизма, ведшего беспощадную борьбу против своих соперников по контролю над массами. В то время большинство партий, комментаторов и даже Лига за права человека включились в подтверждение вины осужденных. 60 лет спустя идеология мэйнстрима разоблачают эти процессы и оценивают их как знак безумной жажды власти Кремля. Как будто бы сталинские преступления не имеют с антифашизмом ничего общего! Антифашистская логика всегда означает смыкание с наиболее умеренными силами и борьбу с наиболее радикальными. На чисто политическом уровне май 1937 г. привел к тому, что было бы немыслимым еще несколько месяцев назад: во главе правительства встал Негрин — социалист, еще более правый, чем Кабальеро. Новое правительство приступило к жестокому внедрению закона и порядка, включая репрессии против рабочих. Оруэлл, чуть было не погибший в ходе этих событий, понял, что война «за демократию» со всей очевидностью закончилась. Осталось лишь противостояние между двумя фашизмами, единственная разница между которыми заключалась в том, что один был менее бесчеловечным, чем другой. Тем не менее, Оруэлл продолжал считать необходимым избежать победы «более открытого и развитого фашизма Франко и Гитлера». С этой точки зрения, единственной возможностью было бороться за менее плохой фашизм, чем тот, который ему противостоит. . .

Война пожирает революцию. Власть исходит не из дула винтовки и, тем более, не из избирательных урн. Ни одна революция не бывает мирной, но ее военная сторона не является центральной. Вопрос состоит не в том, решат ли пролетарии, в конце концов, ворваться в арсеналы, а в том, начинают ли быть самими собой — превращенными в товар существами, которые больше не могут и не хотят существовать как товар и восстают, взрывая логику капитализма. Баррикады и пулеметы — производное от этого «оружия». Чем более жизненна социальная сфера, тем меньше будет применение оружия и меньше инцидентов. Коммунистическая революция никогда не будет похожа на бойню: не из-за следования принципу ненасилия, а потому что это эта революция ниспровергнет нечто большее, чем разрушает сегодняшняя профессиональная армия. Представлять себе пролетарский фронт, противостоящий фронту буржуазному, — значит представлять себе пролетариат в буржуазных терминах, в соответствии с моделью политической революции или войны (приход кого-то к власти, захват территории). Поступая таким образом, вводят нечто, поглощающее сам момент восстания — иерархию, почтение к специалистам, к тем, кто «знает, как надо», и к технологии решения проблем, иными словами, ко всему, что принижает обыкновенного человека. На службе у государства член рабочей милиции неминуемо превращается в «солдата». В Испании с осени 1936 г. революция растворилась в войне и в типично государственной форме борьбы — фронтовой войне. Соединенные в «колонны» рабочие отправились из Барселоны, чтобы разгромить фашистов в других городах, начиная с Сара-

госы. Однако понести революцию за пределы районов, контролировавшихся республиканцами, означало довершить революцию в самой республиканской зоне. Но даже Дуррути, кажется, не сознавал, что государство повсюду осталось в неприкосновенности. Когда колонна Дуррути (на 70% состоявшая из анархистов) шла вперед, она распространяла коллективизацию: милиции помогали крестьянам и распространяли революционные идеи. Но Дуррути говорил: «У нас есть только одна цель — сокрушить фашистов». Сколько бы он ни повторял, что «эти милиции никогда не будут защищать буржуазию», они и не атаковали ее. За 2 недели до гибели (21 ноября 1936 г.) он заявил: «На фронте и в окопах есть только одна мысль, одна цель (. . .): разгромить фашизм (. . .) Пусть никто не думает сейчас о повышении заработной платы и сокращении рабочего времени! Долг всех рабочих, и особенно рабочих из НКТ, — идти на жертвы и работать столько, сколько и как долго это надо. Я обращаюсь к организациям и прошу их покончить с раздорами. Мы на фронте просим честности и обращаемся прежде всего к НКТ и ФАИ (. . .) Лидеры должны знать, что если эта война продолжится еще долго, нужно начинать организовывать экономику Каталонии (. . .) Когда мы отправлялись из Каталонии, мы доверили вам хозяйство страны. Будьте ответственными и дисциплинированными, чтобы после этой войны мы своей некомпетентностью не вызвали гражданской войны среди нас самих. Если кто-то полагает, что его партия является сильнейшей и может навязать свою политику, то он ошибается, поскольку если мы хотим что-либо противопоставить фашистской тирании, то мы можем быть только единой силой. Может быть только одна организация, с одной дисциплиной». Дуррути и его товарищи олицетворяли энергию, которая в 1936 г. была готова к штурму старого мира. Но всей в мире решимости к борьбе недостаточно, если рабочие направляли удар лишь против той или иной формы государства, а не против государства как такового. Согласиться на фронтовую войну в середине 1936 г. значило оставить социальное и политическое оружие в руках буржуазии за линиями фронта, более того — лишить сами военные действия первоначальной энергии, покинув другую сферу, единственную, где пролетариат имел преимущество. Летом 1936 г. националисты были далеки от решающего военного превосходства и не смогли захватить ни один из главных городов. Их основной силой был «Иностранный легион» и «мавры», набранные в Марокко — стране, которая находилась с 1912 г. под испанским протекторатом и долго после этого боролась против колониальных планов Испании и Франции. Испанская королевская армия потерпела тяжелое поражение в 1921 г., в основном, из-за дезертирства частей в Марокко. Несмотря на франко-испанское сотрудничество, Рифская война (в которой отличился генерал Франко) закончилась только после капитуляции Абд-эль-Керима в 1926 г. 10 лет спустя объявление о немедленном и безусловном предоставлении независимости Испанского Марокко, как минимум, посеяло бы замешательство в ударных частях реакции. Республика, очевидно, не оставила места для такого решения,

уступив двойному нажиму со стороны консервативных кругов и демократий Англии и Франции, которые не испытывали энтузиазма в связи с возможным распадом их собственных империй. Более того, в это же самое время французский Народный фронт не только отказался провести какую бы то ни было заслуживающую внимания реформу своих колоний, но и распустил «Североафриканскую звезду» — пролетарское движение в Алжире. Все знали, что политика «невмешательства» в Испании была фарсом. Через неделю после путча Лондон объявил, что выступает против любой перевозки оружия для законного правительства Испании и сохранит нейтралитет в случае вступления Франции в конфликт. Таким образом, демократическая Англия поставила республику и фашизм на одну доску. В итоге Франция Блюма и Тореза сочиняла планы, а Германия и Италия направили свои армии и припасы. Что до Интербригад, контролируемых Советским Союзом и компартиями, то их военное значение было куплено дорогой ценой — ликвидации любой оппозиции сталинизму в рядах рабочего класса. С начала 1937 г., после прибытия первых транспортов с вооружениями из России, Нин был смещен с поста советника Министерства юстиции Каталонии. Редко когда узкое понимание истории как списка сражений, пушек и стратегий было настолько неспособно объяснить ход непосредственной «социальной» войны, представленной как выражение внутренней динамики антифашизма. Вначале революционный порыв сломил порыв националистов. Затем рабочие согласились соблюдать законность, конфликт вошел в состояние пата и, тем самым, был институционализирован. С конца 1936 г. колонны милиции завязли в осаде Сарагосы. Государство вооружало военные соединения, пользующиеся его доверием, то есть те, которые не будут конфисковывать собственность. В начале 1937 г. плохо вооруженные милиции ПОУМ вели бои с франкистами, используя старые винтовки; револьверы были роскошью. В городах они соприкасались с прекрасно оснащенными регулярными солдатами. Фронты завязли, как пролетарии Барселоны в борьбе с полицией. Последней вспышкой энергии была победа республиканцев под Мадридом. Вскоре после этого правительство приказало отдельным лицам сдать имеющееся у них оружие. Декрет имел лишь небольшой немедленный эффект, но продемонстрировал неколебимое желание разоружить народ. Разочарование и подозрение подрывали моральный дух. Война все больше переходила в руки специалистов. Наконец, республика стала все больше терять какое-либо основание как средоточие социального содержания и революционной формы. Она увяла в антифашистском лагере. Сведение революции к войне упрощало и искажало социальный вопрос, превращая его в альтернативу «победить или проиграть» и в попытку стать сильнейшим. Задачами становились насаждение дисциплины среди солдат, обеспечение более высокой техники снабжения, передвижения и расквартирования войск, лучшей компетентности офицеров и поддержки со стороны союзников, для чего собственную политическую природу следовало выражать как можно меньше. Все это означало,

что конфликт удаляется от повседневной жизни: такова характерная черта войны, которую никто не желает проиграть, но все, даже энтузиасты, хотят закончить. В отличие от революции, война не пересекает порога человека — за исключением случаев поражения. Превращенная в военный конфликт, борьба против Франко перестала быть личным делом людей, потеряла свою непосредственную реальность. Она превратилась в мобилизацию, одновременно экономическую (работа для фронта), идеологическую (настенные плакаты на улицах, митинги) и человеческую: с января 1937 г. добровольная запись в военные части резко сократилась, и гражданская война с обеих сторон стала опираться, главным образом, на обязательную военную службу. В результате боец, пришедший в милицию в июле 1936 г. и покинувший свою колонну год спустя из-за разочарования в политике республике, мог быть арестован и расстрелян как «дезертир»!

Военная эволюция антифашизма (от восстания к ополчениям, а от них — к регулярной армии) напоминает в иных исторических условиях партизанскую войну против Наполеона — герилью (этот термин проник во Францию в период Первой империи). Маркс описывал ее следующим образом: «Если сравнивать три периода герильи с политической историей Испании, то можно заметить, что они соответствуют трем ступеням ослабления народного духа контрреволюционным правительством. Вначале восстало все население, затем войну на измор вели отряды герильи, поддержанные целыми провинциями, и, наконец, сражались бессвязные группы, всегда балансировавшие на грани превращения в бандитов или растворения в регулярных соединениях». Как в 1808 г., так и в 1936 г., развитие военной ситуации нельзя было объяснить исключительно боевыми действиями. Оно было результатом соотношения политических и социальных сил и их эволюции в направлении контрреволюции. Компромисс, упомянутый Дуррути — необходимость единства любой ценой — мог дать победу вначале лишь республиканскому государству (над пролетариатом), а затем — франкистскому государству (над республикой). Революция в Испании началась, но превратилась в свою противоположность, когда пролетариат, убежденный в том, что обладает реальной силой, доверился государству в борьбе против Франко. На этой почве все многообразие революционных инициатив и мер в сфере производства и в повседневной жизни было обречено на поражение тем простым и страшным фактом, что они разворачивались в тени нетронутой государственной структуры, с самого начала удержавшейся, а затем вновь укрепившейся как необходимость в войне с Франко. Этот парадокс остался незамеченным большинством революционных групп того времени. Чтобы закрепиться и распространиться, преобразования общества (а без них революция останется пустым словом) должны вступить в противоречие с государством и ясно воспринимать его как врага. Но после июля 1936 г. двоевластие существовало только на первый взгляд. Органы пролетарской власти, выросшие из восстания или наблюдав-

шие позднее за социализацией, не только терпели существование государства, но и согласились с его приоритетом в борьбе против Франко, как бы считая необходимым пройти через государство с целью разгромить Франко. В понятиях «реализма», использование традиционных военных методов, на что согласились крайне левые, включая ПОУМ и НКТ, во имя большей эффективности, с неизбежностью доказало свою неэффективность. 50 лет спустя людям остается оплакивать этот факт. Однако демократическое государство столь же мало пригодно для вооруженной борьбы против фашизма, как и для того, чтобы остановить его мирный приход к власти. Государства обычно не желают социальной войны и скорее боятся братания, чем поощряют его. Когда в марте 1937 г. в Гвадалахаре антифашисты обратились как рабочие к итальянским солдатам, направленным Муссолини, группа итальянцев дезертировала. Но подобные эпизоды остались исключением. Начиная с битвы за Мадрид (март 1937 г.) и вплоть до заключительного падения Каталонии (февраль 1939 г.) труп abortированной революции разлагался на полях сражений. Можно было говорить о войне в Испании, но не о революции. Главной задачей этой войны было решение проблем самого капитализма: создание в Испании легитимного государства, которое смогло бы обеспечить развитие национального капитала и удерживать под контролем народные массы. В феврале 1939 г. Бенжамен Перо оценил итоги поражения следующим образом: «Рабочий класс (. . .), потеряв видение своей собственной цели, не видел уже особого смысла в том, чтобы погибать, защищая буржуазно-демократический клан против фашистского клана, то есть, в конечном счете, англо-французский капитал против итало-германского империализма. Гражданская война все больше превращалась в войну империалистическую».

Социальный состав и социальный смысл обоих лагерей, бесспорно, были различными. Буржуазия присутствовала с обеих сторон; подавляющее большинство рабочих и бедных крестьян поддерживало республику, в то время как архаические и реакционные слои (помещики, мелкие хозяева, церковь) сплотились вокруг Франко. Такая классовая поляризация придавала республиканскому государству прогрессивный ореол, но не показывала исторический смысл конфликта, тем более, что процент рабочих среди членов Социал-демократической партии Германии, Французской соцпартии или Французской компартии уводит от ответа на вопрос о природе этих партий. Такие факты реальны, но второстепенны по сравнению с социальной функцией. Партия, опирающаяся на рабочий класс, которая контролирует его или противодействует любому взрыву пролетарского гнева, смягчает классовые противоречия. В республиканской армии было большое число рабочих, но за что, с кем и по чьим приказам они сражались? Задать вопрос — уже значит дать на него ответ, иначе придется думать, что можно бороться с буржуазией в союзе с буржуазией.

«Гражданская война — это высшее выражение классовой борьбы», — писал

Троцкий в статье «Их мораль и наша» в 1938 г. Это утверждение Троцкого верно, но только с одним добавлением. Начиная с так называемых религиозных войн и кончая ирландским и ливанским катаклизмами нашего времени, гражданская война была, причем гораздо чаще, формой невозможности или неудачи социальной борьбы, когда классовые противоречия не могли утвердиться иначе, чем в виде извержения идеологических или этнических блоков, препятствуя затем любому человеческому освобождению.

Анархисты в правительстве

Социал-демократия не «капитулировала» в августе 1914 г., подобно бойцу, выбросившему белое полотенце. Она следовала естественным путем развития мощного движения, интернационалистского на словах, но ставшего в действительности глубоко национальным задолго до этого. СДПГ могла стать лидирующей силой на выборах в Германии в 1912 г., но ее мощь была направлена на реформы в рамках капитализма и в соответствии с его законами, которые включали, например, согласие с колониализмом и даже войной, когда та превращалась в единственное решение социальных и политических противоречий. Точно также, интеграция испанского анархизма в государство в 1936 г. может удивить только того, кто забудет о его природе: НКТ была профсоюзом, несомненно, оригинальным, но все же профсоюзом, а таких вещей, как антипрофсоюзный профсоюз не бывает. Функция преобразует орган. Несмотря на его первоначальные идеалы, любой постоянный организм для защиты наемных работников как таковых становится посредником, а затем — примирителем. Даже если он находится в руках радикалов, даже если он подвергается преследованиям, этот институт обречен на то, чтобы ускользать из-под контроля снизу и превращаться в инструмент умеренности. Каким бы анархистским ни был профсоюз, НКТ была прежде всего профсоюзом, а уж затем анархистским. Целая пропасть отделяет рядовых членов от лидеров, сидящих за столами вместе с боссами, но и НКТ как аппарат мало отличался от ВСТ (профсоюза, находившегося под контролем социалистов, — прим. перевод.). Оба они трудились над тем, чтобы модернизировать экономику и рационально управлять ею, одним словом, чтобы социализировать капитализм. Голосование социалистов за кредиты в августе 1914 г. и участие анархистских лидеров в правительстве — вначале в Каталонии (сентябрь 1936 г.), а затем в республике в целом (ноябрь 1936 г.) — связаны единой нитью. Еще в 1914 г. Малатеста назвал тех из своих товарищей (включая Кропоткина), кто согласился с защитой нации, «правительственными анархистами». Идя от одного компромисса к другому, НКТ пришла к отказу от своей антигосударственности, бывшей для нее смыслом существования, даже после того, как республика и ее союзник — Россия продемонстрировали свое истинное лицо и яростно обрушились на радикалов в мае 1937 г., не говоря уже о том, что за этим последовало в тюрьмах и тайных камерах. Тогда, как и ПОУМ, НКТ сыграла активную роль в разоружении пролетариев, призвав их прекратить борьбу как против официальной, так и против сталинистской полиции и тем самым дать себя истребить. Некоторые из них испытали потом еще более горькое удивление, оказавшись в тюрьме, управляемой старым товарищем-анархистом, но лишенным всякой реальной власти над всем, что происходит в тюрьме. В 1938 г. делегация НКТ отправилась в Советский Союз, чтобы просить о военных поставках, и даже не критиковала московские процессы. Все ради антифашистской борьбы. . . Все ради пушек и винтовок. . . Но даже в этом случае, некоторые люди могут сказать, что анархисты по самой своей природе име-

ют прививку от государственнического вируса. Однако это только на первый взгляд. . . . Иные «марксисты» могут страницами цитировать Маркса о разрушении машины государства и Ленина, заявившего в «Государстве и революции», что в один прекрасный день кухарка сможет управлять обществом вместо политиков. Но те же самые «марксисты» будут продолжать осуществлять на практике наиболее рабское поклонение идолу государства, вплоть до того, чтобы видеть в нем совершеннейший инструмент прогресса и исторической необходимости. Ведь они понимают будущее как капиталистическую социализацию без капиталистов, как мир, основанный на наемном труде, но только эгалитарный, демократизированный и планируемый. Все это готовит их к тому, чтобы принять государство (конечно же, переходное) и даже воевать на стороне капиталистического государства, пусть и плохого, но против другого, которое они считают еще худшим. Со своей стороны, анархизм переоценивает государственную власть, считая власть главным врагом, и эта переоценка приводит к убеждению, что государственная власть может разрушиться сама собой. Анархизм не видит настоящей роли государства как гаранта, но не создателя отношений наемного труда. Государство представляет и соединяет капитал, но оно никогда не является мотором или сердцевинной капитала. Из бесспорного факта вооружения масс анархизм сделал вывод, что государство утратило свою материальность. Но материальность государства заключена не в его институциональных формах, а в ее унифицирующей, объединяющей функции. Государство обеспечивает связи, которые люди не могут установить или поддерживать между собой сами, и создает сеть услуг, одновременно паразитических и реальных. Хотя летом 1936 г. в республиканской Испании государство казалось слабым, оно выжило как каркас, способный подобрать обломки капиталистического общества, и продолжало жить в состоянии спячки. Затем оно проснулось и вновь обрело силу. Когда социальные связи, раскрытые восстанием, ослабли или разошлись в стороны, оно расправило спавшие члены и, когда представился случай, захватило контроль над всем тем, что было вызвано к жизни восстанием. То, что считали небольшой неприятностью, оказалось способным не только возродиться, но и опустошить параллельные формы власти, в которых воплощалась революция. Последнее оправдание НКТ своей роли восходило к идее, согласно которой законное правительство больше не имеет реальной власти, поскольку рабочее движение де факто взяло ее. «(. . .) Правительство перестало быть силой, подавляющей рабочий класс, точно так же как государство уже не является больше организмом, делящим общество на классы», — писала «Солидаридад обрера» в сентябре 1936 г. В не меньшей мере, чем «марксизм», анархизм фетишизирует государство и представляет его себе воплощенным в конкретном месте. Еще Бланки бросал свою маленькую паству в атаку на ратуши или казармы, но базой своих действий он никогда не считал пролетарское движение — а лишь только меньшинство, которое должно было пробудить народ. Сто лет спустя НКТ объявила испанское

государство призраком по сравнению с осязаемой реальностью «социальных организаций» (милиций, профсоюзов). Но существование государства, его смысл бытия состоит в изготовлении муляжа, когда дефицит «гражданского» общества обертывается целой системой отношений, связей, средоточий силы, администрации, полиции, юридической, военной сети, которая стоит «наготове», как подпорка, в периоды кризиса, ожидая момента, когда полицейские следователи смогут прилечь к картотеке социальных услуг. У революции нет Бастилии, полицейского участка или резиденции губернатора, которые она могла бы «захватить», ее задача — обезвредить или уничтожить все, из чего такие места черпают свою поддержку.

Неудача колективизации

Коллективизация или коммунизация?

Со времен Первого Интернационала анархизм противопоставлял общественное присвоение средств производства социал-демократическому огосударствлению. Оба взгляда исходили из одного и того же требования общественно-го управления. Но проблема состояла в том, чем управлять. Конечно, то, что социал-демократия делала сверху и бюрократически, испанский пролетариат осуществлял снизу, вооруженный, на основе взаимной ответственности, вырывая землю и фабрики из рук меньшинства, которое специализировалось на организации и эксплуатации других. В отличие от соуправления в угольной промышленности, установленного социалистическими или сталинистскими профсоюзами. Тем не менее, тот факт, что производство своей материальной жизни берет в свои руки коллектив, а не государство или бюрократия, еще не означает сам по себе разрыва с капиталистическим характером этой жизни.

Система наемного труда предполагает, что любая деятельность, какой бы она ни была — обработка поля или печатание газеты, обязательно проходит через денежную форму. Эти деньги, делая деятельность возможной, расширяются благодаря ей. Уравнять зарплату, принимать все решения коллективно и заменить деньги купонами — всего этого недостаточно, чтобы искоренить отношения наемного труда. То, что соединяется деньгами, не может быть свободным, и раньше или позже деньги обретают над ним власть.

Замена ассоциации конкуренцией на местном уровне была верным рецептом поражения. Ведь даже если коллектив ликвидирует частную собственность внутри себя, он выступает как некое целое и как особый элемент (наряду с другими) в глобальной экономике, следовательно, как частный коллектив, вынужденный покупать и продавать, участвовать в торговле с внешним миром, становясь, в свою очередь, предприятием, которое, хочет оно того или нет, должно занять свое место в региональной, национальной и мировой конкуренции — или исчезнуть.

Можно только приветствовать тот факт, что часть Испании взорвалась изнутри: то, что господствующее мнение именуется «анархией» есть неперемное условие революции, как писал в свое время Маркс. Но революционный импульс этих движений основывался на центробежной силе, которая подпитывалась локализмом. Возрожденные коммунитарные связи запирали всех в пределах их деревни или квартала, как будто бы речь шла о том, чтобы заново открыть остальной мир и деградировавшее человечество, противопоставить рабочие окраины столице, самоуправляющуюся коммуну — широкой капиталистической сфере, сельский простой народ — коммерциализированному городу, одним словом, бедное — богатому, маленькое — большому, а местное — интернациональному, позабыв о том, что кооператив часто является более длинной дорогой к тому же капитализму.

Не может быть революции без разрушения государства — таков испанский «урок». Но как бы то ни было, революция — это не политический переворот, а социальное движение, при котором разрушение государства и выработка новых способов дискуссии и принятия решений идут рука об руку с коммунизацией. Нам не нужна «власть», нам нужна возможность изменить всю жизнь. Если этот исторический процесс растянется на поколения, можно ли представить себе, что все это время нужно будет платить за питание и жилье? Если революция предполагается как вначале политическая, а лишь затем социальная, придется создать аппарат, единственной функцией которого будет борьба против сторонников старого мира, то есть негативная, репрессивная функция. Это будет система контроля, не имеющая иного содержания, кроме своей «программы» и намерения осуществить коммунизм тогда, когда для него, наконец, созреют условия. Так революция идеологизирует сама себя и легитимизирует рождение особого слоя, уполномоченного наблюдать за созреванием и ожиданием светлого завтра. Действительная политическая материя неспособна и не желает менять что-либо: она соединяет вместе то, что разъединено, но дальше этого не идет. Такова власть, она управляет, она администрирует, она надзирает, она успокаивает, она подавляет: она есть. Политическое господство (в котором вся политическая мысль видит проблему №1) проистекает из неспособности людей самих решать свои дела и организовывать свою жизнь и свою деятельность. Это господство сохраняется только благодаря крайней обездоленности, характерной для пролетариата. Если каждый будет участвовать в производстве своего собственного существования, государственные функции нажима и подавления перестанут действовать. Вот почему общество, основанное на наемном труде, лишает нас средств жизни, производства и коммуникации, не останавливаясь перед вторжением в частное пространство личности и нашу эмоциональную жизнь, а его государство всевластно. Лучшей гарантией от появления новой структуры власти над нами служит максимально возможное присвоение нами условий нашего существования, причем на всех уровнях. Пусть мы не хотим, к примеру, чтобы каждый сам вырабатывал энергию для собственного пользования в подвале своего дома, но господство Левиафана связано и с тем фактом, что энергия (и власть) делает нас зависимыми от индустриальных комплексов, которые — будь они ядерными или нет — неизбежно являются внешними по отношению к нам и не поддаются нашему контролю.

Понимать разрушение государства всего лишь как вооруженную борьбу против полиции и вооруженных сил означает путать часть с целым. Коммунизм — это прежде всего активность. Это образ жизни, при которой человек производит свое собственное социальное существование, парализуя необходимость особой власти или абсорбируя ее.

Итоги

Испанское поражение 1936-1937 гг. симметрично российскому в 1917-1921 гг. Российские рабочие оказались способны захватить власть, но не использовать ее для коммунистического преобразования. Отсталость, экономическая разруха и международная изоляция сами по себе не объясняют происшедшей инволюции. Та перспектива возрождения коммунистических аграрных структур в новой форме, которую наметил Маркс и которая, возможно, была, пусть и по-иному, осуществима после 1917 г., — эта перспектива в то время даже не мыслилась.

Даже оставляя в стороне ленинские панегирики тейлоризму и оправдание милитаризации труда Троцким, почти для всех большевиков и для подавляющего большинства Третьего Интернационала, включая левых коммунистов, социализм означал капиталистическую социализацию плюс Советы. Сельское хозяйство будущего понималось как демократически управляемые крупные земельные хозяйства. Различие — самое главное! — между немецко-голландскими левыми и Коминтерном состояло в том, что левые воспринимали Советы и демократию всерьез, в то время как российские коммунисты, как доказывает их практика, видели в них только тактическую формулу.

В любом случае, большевики служат лучшей иллюстрацией того, что происходит с властью, которая является только властью и удерживается, не меняя сильно реальных условий. Весьма логичным образом и вполне искренне государство Советов стремилось удержаться любой ценой, вначале в ожидании мировой революции, затем ради себя самого, выдвигая в качестве абсолютного приоритета сохранение единства распадавшегося общества. Это объясняет, с одной стороны, уступки мелкой крестьянской собственности после реквизиций, причем и то и другое привело в итоге к ликвидации любой общинной жизни и общинного производства. С другой стороны, это объясняет репрессии против рабочих и против любой внутрипартийной оппозиции. Власть, которая дошла до убийства восставших в Кронштадте (выдвигавших всего лишь демократические требования) во имя непонятого ею социализма, которая пыталась оправдать свои действия с помощью лжи и клеветы, лишь показала, что больше не имеет никакого коммунистического характера. Ленин умер физически в 1924 г., но Ленин-революционер как глава государства умер в 1921 г., если не раньше. Большевицкие лидеры не имели иного выхода кроме как стать управленцами капитализма.

Поскольку гипертрофия политической перспективы была склонна устраивать преграды, которых она не могла разрушить, Октябрьская революция распалась в самопожирательной гражданской войне. Ее пафос был пафосом власти, которая, будучи не в состоянии преобразовать общество, превращается в контрреволюционную силу. Во время испанской трагедии пролетарии сошли со своей собственной почвы и стали заложниками в конфликте, где буржуазия и ее государство стояли по обе стороны линии фронта. В 1936-1937 гг. пролетарии Испании сражались не только против Франко, но и против

фашистских стран, против демократий и фарса «невмешательства», против их собственного государства, против Советского Союза, против . . .

События 1936-1937 гг. завершили исторический момент, начатый 1917 г. Во время будущего революционного периода наиболее ловкими и опасными защитниками капитализма будут не люди, выдвигающие прокапиталистические и государственнические лозунги, а те, кто понял возможный момент полного разрыва. Они отнюдь не будут восхвалять рекламу и повиновение, они станут предлагать изменить жизнь, но с этой целью призывать . . . в первую очередь, к созданию подлинно демократической власти. Если им удастся взять ситуацию под контроль, создание такой новой политической формы израсходует всю народную энергию, растратит радикальные надежды и, сделав из средств цель, снова превратят революцию в идеологию.

Вопреки этому и, разумеется, вопреки открыто капиталистической реакции, единственным путем к успеху пролетариев будет увеличение числа и скоординированное расширение конкретных коммунистических инициатив, которые, конечно же, будут подвергаться нападкам как антидемократические или даже . . . «фашистские». Борьба за создание мест и моментов для обсуждения и принятия решений, делающих возможной автономию движения, неотрывна от практических мер, нацеленных на изменение самой жизни. « . . . Во всех прошлых революциях способ действия оставался нетронутым, и единственным результатом становилось иное распределение этого действия и перераспределение труда между различными лицами; между тем как коммунистическая революция направлена против способа действия как он существовал до сих пор и ликвидирует труд и господство всех классов посредством ликвидации самих классов, поскольку она совершается классом, который в обществе больше не определяется как класс и уже служит выражением ликвидации внутри общества всех классов и наций и т.д.» (К.Маркс. «Немецкая идеология», 1845-1846).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт
21 мая 2012

Жиль Дове
Когда умирают восстания